

Анна Стогова

Феминистское многоголосие ненасилия

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_439

Women and Nonviolence / Ed. by A. Hamling.

Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2021. — VII, 222 p.

**Toward a Feminist Ethics of Nonviolence:
Adriana Cavarero, with Judith Butler, Bonnie Honig,
and Other Voices** / Ed. by T.J. Huzar, C. Woodford.

N.Y.: Fordham University Press, 2021. — VII, 205 p.

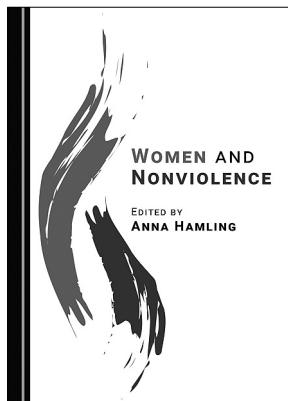
Два сборника статей, о которых пойдет речь, — «Женщины и ненасилие», изданный в Кембридже, и «К феминистской этике ненасилия», опубликованный в Нью-Йорке, обнаруживают мало общего. Однако в контексте поднимаемых в них проблем это несходство имеет принципиальное значение, поскольку дискуссии о ненасилии, как показывают обе книги, прежде всего подразумевают идею сосуществования множества независимых голосов. Не случайно для обоих томов характерно внимание к тому, как строится нарратив, как дискутировать о ненасилии, не совершая насилия в отношении чужого мнения. Актуальность этого аспекта связана с тем, что стремление к ненасилию (вовсе не означающее пассивность, — напротив, исследователи говорят даже об агрессивном ненасилии) предполагает среди прочего отказ от привычных вербальных и нарративных стратегий, посредством которых оно осуществляется.

Эта тема не нова для гендерных исследований и феминистской критики, учитывая, что насилие традиционно ассоциируется с мужским доминированием. Бурный интерес западных феминисток к концепциям и практикам ненасилия и осмысления их как женского способа ведения борьбы пришелся на конец 1970-х — начало 1980-х гг., когда в условиях холодной войны нарастал протест против военной политики и риторики. В эти годы проводились антивоенные акции¹, создавались как политические, так и исследовательские группы, издавались тексты о феминистских ненасильственных практиках борьбы. Антивоенные акции способствовали не только изучению и применению концепций ненасилия в феминизме, но и осмыслению их за рамками этих акций — как способа борьбы с патриархатной системой в целом.

С тех пор был накоплен не только большой опыт феминистских ненасильственных акций протеста — изменился сам феминизм (вместе с преодолением стереотипа, согласно которому женское — значит ненасильственное), трансформирова-

1 Такие, например, как женский мирный лагерь 1981—1982 гг. около авиабазы Гринэм-Коммон, где размещалось американское ядерное оружие. Лагерь вызвал большие споры и сопротивление не только органов власти, но и местных жителей. См. подробнее: *Вершинина Д.Б.* Гендерный аспект британского антивоенного движения второй половины XX в. // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв.* № 6. Сер. Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 112—122.

лась и феминистская критика под влиянием перемен в современной философии и политике.

Задаче осмыслить опыт и достижения женщин в их стремлении изменить мир ненасильственными действиями посвящен сборник «Женщины и ненасилие», подготовленный канадской исследовательницей литературы Анной Хэмлинг². В этом томе важен не только сам анализ женского опыта или, точнее, опытов осуществления изменений в обществе ненасильственным путем, но и то, как выстроен нарратив о них. Во введении Хэмлинг обозначает две теоретические позиции, лежащие в основе книги. Во-первых, это концепция интерсекциональности Кимберли Креншоу³ о пересечении и взаимоналожении систем угнетения, одним из последствий которых является невозможность единого женского опыта. Культурный опыт

женщин разной расы, социального статуса, возраста, сексуальной идентичности, состояния здоровья принципиально различен. Хэмлинг стремится представить в сборнике разные голоса женщин, не сводимые к единой феминистской позиции. Во-вторых, это идеи Майкла Нэглера, пацифистского активиста и автора нескольких работ о ненасилии⁴. По мысли Нэглера — последователя Ганди, ненасилие подразумевает не просто отказ от насильственных действий в отношении оппонента, но признание того, что он «пришел к своим убеждениям... по причинам, которые представляются ему или ей вполне обоснованными» (с. 3). Глубокая цель ненасильственных акций — не просто устранение острой социальной несправедливости, но и восстановление отношений, возмещение ущерба, который им наносит насильственный способ решения проблем. Другими словами, ненасилие подразумевает работу, способствующую выявлению лучшего в других людях, включая непосредственных оппонентов.

Подробнее замысел сборника во введении не объясняется: по убеждению Хэмлинг, «женские голоса в последующих главах помогут получить более ясное представление по этому вопросу» (с. 4). Голос самой Хэмлинг в сборнике почти не слышен. И подчеркнутое многообразие рассказанных в нем историй о деятельности активисток, и отказ от единой, «правильной» интерпретации — это попытка «увидеть во всех и в каждом индивиде со-гражданина и научиться быть гораздо более открытыми друг с другом и признать, что мы сообща делаем эту работу» (с. 7). Впрочем, именно взаимодействия между текстами и историями в данном случае

-
- 2 Хэмлинг изучала мысль Льва Толстого и в последнее время уделяет много внимания культуре ненасилия. См. основанные на ее диссертации статьи: Хэмлинг А. Сходства и аналогии в религиозных воззрениях Льва Толстого и Мигеля де Унамуно // Яснополянский сборник 2020: Статьи, материалы, публикации / Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2021. С. 178—190; Она же. Женский вопрос: «Крейцера соната» и «La Tia Tullia» // Лев Толстой и мировая литература. Тула, 2005. С. 229—240. См. также еще два составленных ею сборника статей о ненасилии: *Contemporary Icons of Nonviolence* / Ed. by A. Hamling. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholar Publishing, 2019; *I Have a Dream: From a Culture of Violence to a Culture of Nonviolence* / Ed. by A. Hamling. L.: London Centre for Interdisciplinary Research, 2021.
 - 3 См. одну из первых ее работ: *Crenshaw K. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color* // *Stanford Law Review*. 1991. Vol. 34. No. 6. P. 1241—1299.
 - 4 См.: *Nagler M. What Is Nonviolence?* // *Contemporary Icons of Nonviolence*. P. XIX—XXI.

почти не получается, что особенно заметно на контрасте со вторым рассматриваемым изданием.

Сборник составляют case studies, распределенные по трем разделам, которые можно условно назвать художественным, активистским и международным. В первый вошли статьи о Йоко Оно, «Pussy Riot», американской писательнице Энн Муди и современной арабо-американской женской поэзии. Статья *Марии Розы Леманн* о творчестве Йоко Оно выстроена вокруг анализа ее перформанса «Отрежь кусок» («Cut piece»), впервые показанного ею в Киото в 1964 г.: он заключался в том, что случайно выбранные зрители могли срезать ножницами любую часть одежды с сидевшей на сцене Йоко Оно, пока та не оставалась полностью обнаженной. Леманн подчеркивает одну из ключевых идей концепций ненасилия: отсутствие ответной агрессии не означает пассивности и жертвенности. Напротив, художница активно сопротивляется трансгрессии зрителей, хотя и без применения насилия. Леманн анализирует ее позу, положение на сцене, жесты и мимику, показывая, что она не только провоцирует зрителей на агрессию, но и сопротивляется ей, выставляя ее напоказ. Уязвимость, которую демонстрирует Йоко Оно, и одновременно ее стоицизм оказываются трансформирующей силой и одновременно «символическим мостом между “я” и коллективом» (с. 23).

Алла Мызелева в статье о российской феминистской группе «Pussy Riot» фокусируется на перформансе, который был, наоборот, воспринят как агрессия, — на известной акции в храме Христа Спасителя в 2012 г. По мнению исследовательницы, ожесточенные споры об этом перформансе были связаны с тем, что он нарушил невидимую границу и выявил табу, о которых не говорилось вслух: «Мирный протест “Pussy Riot”, бесспорно, попал в самое сердце советской коллективной травмы и потому был понят в России как далеко не ненасильственный и заслуживающий двухлетнего тюремного наказания» (с. 27). Автор анализирует несколько основных аспектов, связанных с собственно перформативными особенностями акции, — панк-музыку и необычные костюмы участниц с цветными балаклавами, а также саму форму молитвы Богородице — и прослеживает их связи как со сложившимся в советские годы пониманием женского активизма (в особенности с работами Александры Коллонтай), так и с западным феминизмом третьей волны. Участницы группы, пишет Мызелева, «пытались свести воедино западные и российские феминистские идеи, не артикулируя различия между ними» (с. 39) и, что еще важнее, опираясь на концепцию интерсекциональности, подняли сразу несколько непривычных для российской аудитории проблем, касавшихся политики, феминизма, религии и экологии.

Непониманию ненасильственных акций сопротивления посвящена и статья *Нилган Анадолу-Окар* «Сопротивляясь жестокости Джима Кроу: движение Энн Муди за освобождение на американском Юге». Муди — афроамериканская писательница и активистка движения за гражданские права, выросшая в бедной семье на юге США в период действия законов о сегрегации («законов Джима Кроу») и описавшая свой опыт в книге «Взросление в Миссисипи» (1968)⁵. Читая эту автобиографию, Анадолу-Окар отмечает: индивидуальный опыт ненасильственного сопротивления, то и дело натыкающийся на новое насилие, может разочаровывать, но, переведенный в область литературы, оказывается вдохновляющим образцом. Книга Муди — один из самых востребованных документов о борьбе за гражданские права в США 1960-х гг., поскольку «показывает с трудом достигнутые успехи, которые являются примером для современных активистов» (с. 59).

5 Moody A. Coming of Age in Mississippi. N.Y.: Dial Press, 1968.

К литературе как к эффективной форме ненасильственного воздействия обращается и *Майи Эльхайави*. Рассматривая творчество пяти арабо-американских поэтесс, она анализирует механизмы, позволяющие им выражать идеи, чуждые современному американскому обществу, где сильны стереотипы в отношении арабской культуры и ислама. Поэзия становится одним из способов защищать свои религию, расу и достоинство, не конфликтуя с американской культурой. В центре внимания — ориенталистский стереотипизированный дискурс об арабских женщинах как о пассивных, дегуманизированных объектах угнетения со стороны патриархальной, авторитарной, террористической мусульманской культуры, страх перед которой в США многократно усилился после терактов 2001 г. Анализируя произведения таких современных американских поэтесс арабского происхождения, как Мохья Кахф, Лайла Халаби, Зухейра Хаммад, Наоми Шихад Най и Эмтитал (Эми) Махмуд, Эльхайави показывает трансформацию сложившихся стереотипов, в частности путем создания неожиданных для западного читателя образов восточных женщин — воительниц и революционерок. Подобные стратегии направлены не только на «развенчание стереотипов, всегда запиравших арабских женщин за решеткой порочающей гиперсексуальности, дегуманизирующей маргинализации или демонизирующего терроризма» (с. 78), но и против самого принципа бинарности западной культуры.

Раздел об известных активистках открывается исследованием о «матери революции» в Йемене 2011 г., правозащитнице, получившей Нобелевскую премию мира, Твакуль Карман. Основным контекстом для анализа ее взглядов и деятельности выступает деколонизирующаяся арабская культура, где волна политической мобилизации сопровождается мощным ростом насилия. *Анвар* и *Набилъ Оссини* задаются вопросом: как в этих условиях и к тому же в одной из самых консервативных стран Востока женщина-феминистка смогла добиться успеха в ненасильственном сопротивлении власти? Они приходят к следующему выводу: «Символизм ее мобилизации явил потенциал для новой волны ненасильственных действий в арабском мире, воплощающих в себе как религиозно-духовные принципы исламской традиции, так и критические рамки феминистского движения. Ее понимание авторитаризма и патриархата и ведение переговоров с патриархатом изнутри ее культурного и религиозного контекста — вот что позволило Карман добиться успеха» (с. 95).

Статья *Дагмары Верницниг* о профессоре Университета мира и феминистской активистке Мэри Элизабет Кинг имеет форму диалога-размышления о возможностях достижения феминистского будущего. Автор анализирует акции и высказывания Кинг, ее опыт мирного неповиновения, а затем обобщает ее суждения об эффективности женского ненасильственного сопротивления и способах достижения более мирного будущего. Она выделяет в работах Кинг три основных инструмента, которые позволяют построить такое будущее. Первый — «признание незаменимости женщин, которые с незапамятных времен несут основную нагрузку по восстановлению разрушенных обществ», что связано не с особой женской сущностью, а с тем, что женщины исторически были исключены из властных структур, осуществляющих политическое насилие (с. 111). Второй — распространение знания о теории и практиках ненасильственного сопротивления. И наконец, третий — миростроительство. Речь идет о том, что среди мер, обеспечивающих выстраивание целостного общества после окончания того или иного масштабного конфликта, необходимо изначально включать возможности ненасильственного сопротивления создаваемым властным институтам на тот случай, если они окажутся коррумпированными или неэффективными.

Работа *Майкла Иасилли* посвящена Надежде Крупской и Александре Коллонтай — недооцененным, по мнению автора, фигурам, которые остались где-то на полях нарратива о революции и первых годах Советского государства, несмотря на

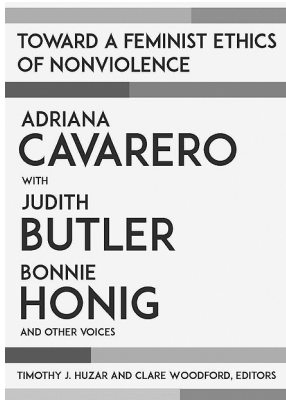
их вклад в работу по эмансипации женщин, в образовательную и семейную политику, сформировавший целый ряд ключевых тем в рамках современных гендерных исследований и социалистического феминизма. Иасилли также отмечает «их активность и смелость, проявленную в создании общества, основанного на ценностях солидарности, согласия и равенства» (с. 127).

Тема последнего раздела — международное феминистское движение. В статье *Селины Галло-Круз* «Круги угрозы и сферы власти: размышления о женской ненасильственной мобилизации» сопоставляется опыт феминистского активизма в странах с высокой социальной конфликтностью — Чили, Сальвадоре и Палестине. Автор стремится выявить корреляцию между публичной видимостью женской деятельности и социально конструируемым понятием угрозы (как со стороны женщин, так и по отношению к ним) в контексте различных феминных социальных ролей. Согласно получившейся у Галло-Круз схеме, осознание наличия или отсутствия угрозы может иметь место как в случае публично заметной деятельности, так и в случае деятельности, скрытой от глаз общества в зависимости от существующих в данной культуре гендерных стереотипов и набора социальных ролей. Этим обосновывается невозможность единой модели успешного ненасильственного женского сопротивления. Интересны размышления исследовательницы о том, насколько эффективной может быть неожиданность тех или иных моделей поведения, то есть их выпадение из привычных норм. Эта тема затрагивается и в одной из следующих статей — в работе *Ливинуса Икуако Океке* о женских протестах в Нигерии 1930—1960-х гг. против колониальной налоговой политики. В ней показана эффективность неожиданных, непонятных для колониальных властей методов протеста — от слухов, будто налоги платить не нужно, поскольку Великобритания собирается передать территории Германии, до танцев и песен на рыночных площадях, мешающих работе полиции. Хотя они и не имели того успеха, какой гипотетически мог бы иметь вооруженный протест, однако они все же сподвигли колониальные власти на существенные реформы.

Статья *Марии Кардашевой*, исследующей гендерное ненасилие на примере Северной Суматры, сфокусирована на символических жестах, составляющих существенную часть многих ненасильственных акций. В данном случае речь идет о протестах батаков-тоба против строительства целлюлозно-бумажного комбината, ключевую роль в которых сыграли женщины, и о такой известной форме женских протестов, как обнажение. Исследовательница отмечает принципиальное отличие в восприятии этого акта в рассматриваемом случае от того, как в развитых странах он оценивается в контексте объективации и сексуализации женского тела. В более традиционных обществах, «где нагота культурно воспринимается как табу», обнажение «создает эмоциональный эффект шока и смущения, что заставляет оппонентов испытать стыд и отстраниться. Сами женщины также должны испытывать определенный уровень аффекта, чтобы решиться на раздевание» (с. 208).

Последняя статья посвящена Чипко — движению за сохранение лесов в Индии, опирающемуся на методы ненасильственной борьбы Махатмы Ганди и известному своими акциями с обниманием деревьев. Поскольку важную роль в нем играют женщины, сейчас оно рассматривается в рамках экофеминизма, однако *Шриджа Саньял*, проследившая историю движения от первой известной акции (1974) до наших дней, ставит под вопрос эту трактовку. Изначально лес защищали не как часть экосистемы, а как источник существования местных общин; обращение же к экологическому дискурсу позволило увеличить популярность и влияние Чипко. Возможно, что и все большее вовлечение женщин в это движение также было продиктовано задачей привлечь внимание СМИ за счет стереотипного представления о женской заботливости.

Если в первом сборнике работа по установлению связей между статьями возлагается на читателя, то книга «К феминистской этике ненасилия: Адриана Кавареро с Джудит Батлер, Бонни Хониг и другими голосами», подготовленная Тимоти Хьюзаром и Клэр Вудворт, построена иначе. Многие из вопросов, рассмотренных в «Женщинах и ненасилии» на примерах конкретных акций женского мирного неповиновения, здесь проблематизируются в контексте современной феминистской философии. При этом в качестве центральной фигуры выступает не хорошо известная в России Батлер, а итальянская феминистка и философ Адриана Кавареро. Итальянский феминизм недостаточно известен не только у нас, но и в англоязычном мире, и это издание (как и предыдущее) призвано познакомить аудиторию с еще не услышанными женскими голосами. Оно стало результатом конференции 2017 г., приуроченной к 70-летию Кавареро и выходу английского перевода одной из ее книг. Обе посвящены двум основным темам философа: ненасилию и уникальности.

Идея принципиальной множественности голосов получает в этом сборнике более концептуальное выражение. Кавареро разработала понятие плюрифонии (скорее политическое, чем музыкальное⁶), означающее ситуацию, когда множество равноправных, соперничающих голосов, «каждый из которых уникален, сливаются в созвучие, не являющееся ни гармонией, ни какофонией»⁷, резонируют друг с другом, сохраняя при этом свою самостоятельность и уникальность. Оно и было положено в основу структуры сборника. Как отмечают составители, «выступления представлены в виде попурри, каждое из которых является частью общего ансамбля» (с. 8), и им действительно удалось сделать так, чтобы составившие книгу работы пере-

кликались между собой, создавая сложную ткань общего текста. Непростые отношения между тремя героинями, исполняющими основные партии в сборнике (их давние споры, периодические сближения и новые разногласия при сохранении дружеской привязанности), как раз и служат примером плюрифонии, основанной не на стремлении переубедить, подчинить или заменить один голос другим (именно на такой борьбе, то есть насилии, построена классическая демократия), а на возможности вносить вклад в общее дело, откликаясь на чужие рассуждения и в свою очередь давая пищу для размышлений.

Точками резонанса выступают и идеи, и произведения живописи и литературы. Во вступительной статье Адрианы Кавареро «Сцены склоненности»⁸ это роман

-
- 6 Обзор об аудиальной демократии (в котором, однако, не упоминается Кавареро) см. в: *Váizer T.* Аудиальная демократия: включение неслышимых субъектов в политическое сообщество // *Логос.* 2015. Т. 25. № 6. С. 196—226.
 - 7 *Cavarero A., Thomaidis K., Pinna I.* Towards a Hopeful Plurality of Democracy: An Interview on Vocal Ontology with Adriana Cavarero // *Journal of Interdisciplinary Voice Studies.* 2018. Vol. 3. No. 1. P. 84.
 - 8 Итальянское слово *inclinazione* (как и английское *inclination*, используемое в рассматриваемом сборнике) не имеет адекватного аналога в русском языке. Оно имеет три значения, которые равно важны для концепции Кавареро: (1) наклон/уклон как степень отклонения от вертикали или другой оси, от которой ведется отсчет, (2) наклонение как процесс сгибания и (3) склонность как расположенность, эмоциональную привязанность к кому-то или чему-то. Здесь и далее для перевода этого термина используется слово «склоненность», обозначающее наклонное состояние и при этом

Итало Кальвино «Если однажды зимней ночью путник» (1979) и картина Леонардо да Винчи «Святая Анна с Мадонной и младенцем Христом» (ок. 1510). В статье суммируются и развиваются идеи, высказанные автором в книге «Склоненности: критика прямоты»⁹. Кавареро обращает внимание на склоненные, изогнутые формы женского тела, которые противопоставляются в одной сцене у Кальвино прямой, вертикально вытянутой мужской фигуре¹⁰. Одна из центральных идей философии Кавареро, связывающая ее с философией Ханны Арендт (она же — ключевой момент ее полемики с Батлер), заключается в том, что половое различие существует, оно предзадано в силу того, что человеческие тела сексуальны. Значения, приписываемые этой сексуальности, могут конструироваться и меняться, но избавиться от нее невозможно; между тем западная традиция философии, склонная к дихотомии духовного и телесного, игнорирует ее, конструируя этического, философствующего субъекта как нейтрального. Для Кавареро эта мнимая нейтральность есть позиция, занятая мужчиной. Она проводит связь между физической и этической прямоотой, построенной по принципу постурально-геометрического воображения. Отталкиваясь от этимологии слов *rectum* и *orthos*, связывающих физическую прямооту с правильностью, исследовательница показывает, как возведение (erection) такого субъекта, явно мужественного (ср.: *Nomo erectus*), оказывается в западной философии сугубо мужской историей. Проследивая эту этику прямоты/правоты мыслящего субъекта в работах Платона, Канта и Прудона, Кавареро рассуждает о нарциссизме такого самоутверждающегося вертикально-ориентированного субъекта западной философии, отвергающего отклонение/склонность как слабость. Этому она противопоставляет этику склоненности. В картине да Винчи она отмечает новаторство композиции: Богородица сидит на коленях святой Анны и при этом склоняется, поддерживая руками играющего с ягнчком Иисуса. Вместо канонической прямой позы, выражающей идею священного, художник выбирает ту, что воспринимается как чисто женская. Опираясь на этот образ, Кавареро пересматривает маскулинно-ориентированную западную философскую этику: если прямой/правильный мужчина-субъект — это тот, кто сам управляет своей жизнью и занимается самоутверждением, то склоняющаяся, аффективная женщина (в первую очередь мать) живет для других и через других. Это позволяет «сделать наклон хорошей отправной точкой для переосмысления онтологии уязвимого¹¹ и его конституирующих отношений в терминах постуральной геометрии, которая, не располагая человека на прямой оси, смещает его в соответствии со множеством контекстуальных, контингентных, прерывистых, а порой и случайных направлений» (с. 43—44). Образ склонившейся, поддерживающей матери-сиделки лежит в основе альтруистической этики, противостоящей маскулинной модели этической самодостаточности, на которой покоится современная демократия.

В следующих двух статьях звучат дружественные, партнерские, но при этом критические голоса. *Джудит Батлер* в статье «Опираясь и подхватывая: взаимозависимость и этика у Кавареро» критикует противопоставление прямоты и скло-

близкое по звучанию к слову «склонность». В случаях, когда будет необходимо подчеркнуть одно из вышеупомянутых значений, будут использованы однокоренные слова.

- 9 *Cavarero A. Inclinations: A Critique of Rectitude. Stanford: Stanford University Press, 2016.*
 10 См.: *Кальвино И. Если однажды зимней ночью путник // Кальвино И. Собрание сочинений. Если однажды зимней ночью путник: Роман, повесть, новеллы / Пер. с итал.; сост. Г. Киселева. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 97.*
 11 Уязвимость (которую в данном случае демонстрирует младенец Иисус) — еще одно важное понятие в философии Кавареро. См.: *Cavarero A. Horrorism: Naming Contemporary Violence. N.Y.: Columbia University Press, 2008.*

ненности. По ее замечанию, прямота как устойчивое положение тела (которое не обязательно равно стоянию) всегда подразумевает поддержку со стороны, и даже склонившийся родитель «не может быть просто идентифицирован как тот, кто поддерживает, не нуждаясь в каком-то смысле в том, чтобы быть поддерживаемым» (с. 48). То, что Кавареро описывает как две различные формы субъективности, два способа завоевания автономии и два состояния тела, Батлер предпочитает рассматривать как практики. Частью практики стояния является падение, и сколь бы не претендовал человек на самостоятельность, всегда есть что-то, что позволяет ему принимать и сохранять вертикальное положение, при этом, чтобы встать, человек выходит из склоненного положения, рискуя вовсе потерять равновесие.

Моральному автономному субъекту Канта Кавареро противопоставляет не просто склонившуюся фигуру, а фигуру, лишенную равновесия. Так, влюбленность — это мощная склонность, выталкивающая «я» за пределы самого себя, и одновременно наклонная плоскость, по которой «я» скользит. Батлер же упрекает Кавареро в том, что она сама полагается на проецируемый вовне образ вертикального, стабильного, автономного маскулинного субъекта философии, забывая, что за ним тоже стоит история шатаний и падений: «Когда вертикальность служит геометрическим воображаемым для маскулинного индивидуализма, она делает это именно за счет забвения или проецирования этой истории зависимости, выставленности напоказ, наклона и падения. Если и когда она проецируется вовне, в другую фигуру, то наша задача как читателей, возможно, состоит в том, чтобы проследить механизм этой экстернализации и дезавуирования и принять в качестве методологии это различие» (с. 50—51). Обращаясь к фигуре Канта, представлявшего образец автономного субъекта и в жизни, и в философии, Батлер показывает, что его «прямота» не была такой абсолютной, какой кажется. Не ограничиваясь только критикой, она также ставит вопросы, помогающие выявить дальнейшие возможности соотношения геометрии и этики и его пределы. Учитывая, что мы можем иметь ту или иную склоненность, но при этом сопротивляться ей, сдерживая себя этическими соображениями, Батлер предлагает различать предрасположенность, расположенность, склонность и телесные движения или позу. Кавареро же имеет дело с не всегда обоснованными генерализациями; склоненность матери, например, может быть не движением к ребенку, а вовсе наоборот. Это подводит к другому аспекту темы ненасилия, нежели альтруизм склоненности у Кавареро: «Если бы не было разницы, — пишет Батлер, — между склонностью к действию и поступком, который эту склонность воплощает, то у нас не было бы другого выбора, кроме как действовать в соответствии с побуждениями, даже самыми разрушительными. Но дело в том, что у нас есть выбор, даже если он труден, даже если он не ощущается как выбор. И моральная задача состоит в том, чтобы заниматься процессом проработки, а не действовать» (с. 57). Целью этой проработки будет преодоление агрессии, вызываемой взаимозависимостью и амбивалентностью, которая может ставить под угрозу любые социальные связи.

Идея амбивалентности заботы лежит и в основе критики *Бонни Хониг* в статье «Как действовать со склоненностью: Антигоны, а также Кавареро». Ключевое понятие здесь — агонистическое сестринство, центральное в политической и философской концепции автора¹². Хониг давно выступает с критикой демократической

12 Подробнее см.: *Honig B. Political Theory and the Displacement of Politics. Ithaca: Cornell University Press, 1993; Eadem. Agonaler Feminismus: Hannah Arendt und die Identitätspolitik // Geschlechterverhältnisse und Politik / Hrsg. von K. Pühl. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1994. S. 43—71.* Краткий обзор идей Хониг есть во введении к рассматриваемому сборнику.

идеи консенсуса, имея в виду тенденцию приуменьшать значимость тех, кто из него выпадает. Соперничество же, по ее мнению, позволяет обнажать разногласия, противостоять их сокрытию и выявлять в оппоненте то, что помогает преуспевать другим. В первой части статьи Хониг резюмирует основные идеи книги Кавареро о склоненности, отмечая, что та недооценивает значимость соперничества в склонности и заботе, особенно если это не материнская забота, а сестринская. Хониг обращает внимание, что Кавареро отвергает не только правоту/прямоту, но и ассоциирующуюся с ней иконографию отказа: «Она предлагает нам рассматривать склоненность как отказ и инсценировать наши отказы наклонно, а не вертикально, чтобы избежать тупиковой оппозиционности и одновременно отказаться от воздержания, эстетизма и трансценденции недейственности. Я принимаю ее приглашение и утверждаю, что они ведут нас не к материнству, а к сестринству и не к пацифизму, а к агонизму» (с. 67). На основе анализа «Вакханок» Еврипида, «Антигоны» Софокла и мифа об Эдипе Хониг показывает, что склоненность, которую проявляют главные героини, характеризуется агонистическим сестринством, и именно лежащее в его основе соперничество позволяет в конечном счете противостоять пороку. Обращаясь к проанализированной Кавареро картине да Винчи, Хониг замечает, что дистанция между Мадонной и сыном подчеркивает не только склоненность тянущейся к ребенку матери, но и депривацию. Она также вспоминает аргумент Фрейда о том, что в складках одежды Богоматери скрыта фигура стервятника, привлекающая внимание к темной стороне материнской заботы (но также, добавляет Хониг, и к женоненавистничеству Фрейда). Ее выводы касаются потенциальной и парадоксальной на первый взгляд угрозы сепаратизма, к которому могут привести идеи Кавареро, — ему Хониг противопоставляет агонистическую включенность в политику: «Я предполагаю, что склоненность может сигнализировать не только о заботе и/или ране или о промежутке между ними, но и об отказе и что для тех, кто заинтересован в политике отказа, склонение может быть важной частью репертуара отказа¹³. Отказ как склоненность может принимать агонистическую форму прямого взаимодействия с властью предрержащими, и/или сепаратистскую гетеротопическую форму создания островков альтернативной жизни вдали от таких властей, их обещаний и жестокости, где можно практиковать заботу. Кавареро предлагает “воображаемое, которое полностью отделено от геометрического вертикализма”. Эта полная отстраненность означает, что склоненность либо питается формами жизни в другом пространстве, либо обладает своего рода гравитационным притяжением, которое уводит нас в другое место» (с. 78). Хониг утверждает, что отстраненность и даже готовность рискнуть партнерскими отношениями требуются для поддержания мира, а гетеротопии, подобные тем, что очерчивает Кавареро, необходимы для того, чтобы понимать и практиковать тот мир, который мы хотим построить.

Следом за тремя основными текстами, составляющими сложную полемику сразу по нескольким вопросам, следует «скерцо» *Оливии Гваральдо* «Мысля материалистически с Локком, Лонци и Кавареро», которое в соответствии со своим музыкальным аналогом играет самостоятельную роль в звучании сборника, имеет небольшой размер, более легкую интонацию и «трехдольный размер», поскольку в центре внимания находятся три философа: Джон Локк, Карла Лонци и Адриана Кавареро. Анализируя ключевые фрагменты произведений этих авторов, исследовательница фокусирует внимание на том, как по-разному тело осмысляется в философско-политическом дискурсе и какой может быть современная фемин-

13 Политике отказа посвящена одна из ее последних работ: *Honig B. A Feminist Theory of Refusal*. Cambridge: Harvard University Press, 2021.

нистическая идея сексуальных отношений. В идеях Кавареро о склоненностях и уникальности как основе отношений Гваральдо видит движение в сторону феминистской переоценки сексуальных отношений как опыта, который может не быть основан на присвоении или контроле и приручении.

За «скерцо» следует ряд «этюдов» — небольших рассуждений на разные темы, вдохновленных знакомством с философией Кавареро, отчасти полемических, отчасти развивающих ее идеи. *Кристина Бэттерсби* полагает, что идеи Кавареро открывают возможность для переосмысления основополагающих принципов политики и этики, а также для примирения идеалов свободного выбора и индивидуализма с признанием того, что все люди уязвимы и подвержены манипуляциям (острая проблема, учитывая, какую роль технические гиганты играют сейчас в наших «свободных» жизненных выборах). Однако, продолжает Бэттерсби, в своей критике прямоты Кавареро не вполне справедлива к Канту. Рассмотрев его отношения с кругом друзей, в первую очередь с английским купцом Джоном Грином, она соглашается с Батлер: немецкого философа не стоит считать карикатурной фигурой непреклонного независимого субъекта, поскольку он ценил дружескую склоненность. Она также выдвигает гипотезу, что склоненность (и связанная с ней уязвимость) может быть рассмотрена как свойство не только материнства и сестринства, но и дружбы.

Тему амбивалентности заботы продолжает *Лоренцо Бернини* в статье о «дурных наклонностях». Анализируя историю диспутов Кавареро и Батлер, он показывает, что, хотя первая, в отличие от второй, редко имеет дело с квір-теориями, многие ее аргументы могут быть использованы в тех из них, которые стремятся дистанцироваться от влияния Батлер, а именно в так называемых антисоциальных теориях, согласно которым меньшинства должны оставаться вне означивания и понимания, а также вне сферы действия приоритета появления и воспитания ребенка и отношений материнства и родства¹⁴. Вместе с тем эти «антисоциальные» идеи содержат в себе более радикальную критику кавареровской этики склоненности, чем критика Батлер. Обращаясь к фрейдовской теории влечений, Бернини подчеркивает амбивалентность фигуры ребенка, функционирующего как инструмент дисциплинирования взрослой сексуальности, а также фигуры матери, которая может не только заботиться о его потребностях, но и «отклонять» их. По мнению автора, дополнение идей Кавареро теорией влечений открывает возможность для альтернативного видения уязвимости и ненасилия, которое не будет отсылать к образу матери и ребенка.

Тему подхватывает *Марк Девенни*. Ставя в центр новой этики отношения матери и ребенка и вместе с тем указывая на неравенство в любых отношениях, Кавареро считает установление равенства в политике лишь замаскированным насилием. Девенни же показывает, что само ее прочтение западной философии представляет собой насилие. Исследователь полагает, что, насильственно утверждая склоненность в качестве новой прямоты и правильности, Кавареро лишает ее подрывной силы и что ненасильственная борьба не должна быть основана на предписанной этике.

Еще один критический взгляд — «этюд» *Симоны Форти*, сталкивающий идеи Кавареро из двух ее книг: о хорроризме — форме насилия, основанной на изуверстве, расправе¹⁵, и о склоненности. Признавая «Хорроризм» одним из ключевых

14 См.: *Bersani L.* The Freudian Body: Psychoanalysis and Art. N.Y.: Columbia University Press, 1986; *Edelman L.* No Future: Queer Theory and the Death Drive. Durham, NC; L.: Duke University Press, 2004.

15 *Cavarero A.* Horrorism: Naming Contemporary Violence. N.Y.: Columbia University Press, 2008.

текстов на тему зла и власти, смещающим акцент с удовольствия власти на беспомощность и уязвимость жертвы, Форти подчеркивает произведенный Кавареро радикальный сдвиг в оценке места жертвы в политике. В центре внимания — два тезиса: человеческое существование делает нас зависимыми, а значит, открытыми одновременно и для заботы, и для нанесения раны; хорроризм имеет онтологическое измерение, поскольку бьет в самый центр того, что делает человека уникальным. Сопоставляя суждения Кавареро с описаниями опыта холокоста у Примо Леви, Форти показывает, что прочтение насилия только в контексте отношений преступника и жертвы очень ограничено и не учитывает более сложных властных отношений; она рассуждает о «серой зоне», присутствующей во всех человеческих сообществах, и о том, что в общении жертв есть все элементы, позволяющие им выстраивать собственные властные иерархии. Подобно Хониг и Девенни, она обращает внимание на то, что злодеяние может совершаться под влиянием склоненности, что ужас может производить не только прямостоящая фигура, но и склоненные и униженные жертвы.

Наконец, последние два «этюда» написаны инициаторами сборника. *Тимоти Хьюзар* предлагает, пожалуй, наиболее благосклонную интерпретацию этики Кавареро, подчеркивая не различия, а сходства и взаимодополнения в последних работах Кавареро и Батлер о насилии и ненасилии¹⁶. Обе они, хотя и разными способами, конструируют понятие уязвимости, всегда актуальное в конкретных историях насилия. Хьюзар усматривает в этом «повстанческий гуманизм» — не абстрактный, а «вмешивающийся в уже данный набор властных отношений, он перераспределяет, что и кто является видимым и сказуемым, отделяя конкретные тела от конкретных возможностей и создавая условия для постижения новых форм существования» (с. 152). Такой подход дает возможность создать контр историю того, что означает быть с другими, и одновременно подрывать доминирующие нарративы, сформированные вокруг насилия по отношению к тем формам жизни, которые не согласуются с представлением о человеке как об автономном индивиде и суверене.

Клэр Вудфорд возвращается к центральному для Кавареро образу Мадонны, но имея в виду классическую иконографию с прямой, вертикальной фигурой Богоматери и склоненными перед нею телами. Может ли изучение этой традиции дополнить и усложнить идеи Кавареро о склоненности? С точки зрения Вудфорд, католический визуальный нарратив о Деве Марии позволяет поставить под вопрос материнство как проявление семейственности и заботы. Следовательно, критика прямоты у Кавареро, осуществляемая через образ склоненной Мадонны, проблематична сразу в нескольких аспектах: это и риск свести фигуру женщины к образу матери и, напротив, отделить мужчину от поддержки и заботы в контексте деторождения и отцовства, и риск связать отношения с ребенком «узами эроса» с кровным родством и наследованием, и риск отвергнуть без видимых причин образ женской прямой фигуры, ассоциировав ее исключительно со склоненным телом. Вслед за Баттерсби автор обращается к иной, лежащей за пределами эроса форме привязанности, — к дружбе (*φιλία*), которая способна усмирить эрос и тягу к доминированию в силу собственной амбивалентности, переплетения правильности и склоненности. Дружба может быть критической и провокативной, не заставляющей делать выбор между правильным и неправильным. Вудфорд отмечает, что идеи Кавареро усложняют привычный образ прямоты/правильности как основания

16 О взглядах Батлер см.: *Батлер Дж. Сила ненасилия: сцепка этики и политики* / Пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022; *Жеребкина И., Жеребкин С. Война и мир Джудит Батлер*. СПб.: Алетейя, 2018.

этики и политики, но при этом подчеркивает, что рассмотрение дружеских связей позволяет увидеть заботу не как антитезу борьбы, а как борьбу, «ибо если бы нам было все равно, то мы не были бы мотивированы на борьбу» (с. 172), что и являлось бы истинным проявлением демократии.

Заключительная глава — «Кода» — написана Адрианой Кавареро. Возвращаясь к идее плюрифонии, она благодарит участников дискуссии, соглашается и спорит с ними, а также рассуждает об устройстве сборника — заметим, весьма необычном, если посмотреть на него в контексте российской традиции юбилейных изданий, не подразумевающей критику установившей свой «вертикальный» авторитет научной фигуры. Здесь мы вновь выходим на более общий вопрос о стратегиях борьбы с насилием. Обсуждение ненасилия, как и политика ненасилия, подразумевает готовность не просто признать право другого на собственный голос и необходимость плюрифонического (не сведенного к чьей-то идее гармонии) звучания голосов, но и поставить само материальное присутствие альтернативного голоса выше высказывания, которое он несет. Кавареро отмечает, что западная, аристотелевская политика ассоциируется главным образом с речью, и противопоставляет ей аномальный тип «бурлящей демократии», в которой «преимущественное значение имеет не речь, а голоса, которые ее произносят, то есть множественность голосов, сообщающих о своей реляционной уникальности» (с. 178). В этом смысле плюрифония и есть феминистская практика подлинной демократии.